

Собственноручные
записки императрицы
Екатерины II

Записки
Екатерины
Дашковой

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
С 55

Перевод с французского

Серийное оформление АНДРЕЯ РЫБАКОВА

Оформление обложки ВАЛЕРИЯ ГОРЕЛИКОВА

Подбор иллюстраций АЛЕКСАНДРА САБУРОВА

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-27437-2

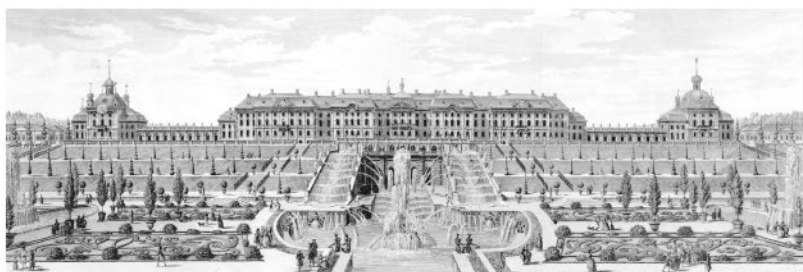
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025

Издательство КоЛибри®

Собственноручные
записки императрицы
Екатерины II

[Первая часть]

СЧАСТЬЕ НЕ ТАК СЛЕПО, КАК ЕГО СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЮТ. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий силлогизм:

Качества и характер будут большей посылкой;

Поведение — меньшей;

Счастье или несчастье — заключением.

Вот два разительных примера:

Екатерина II,

Петр III.

Петр III

Мать Петра III, дочь Петра I, скончалась приблизительно месяца через два после того, как произвела его на свет, от чахотки, в маленьком городке Киле, в Голштинии, с горя, что ей пришлось там жить, да еще в таком неудачном замужестве. Карл-Фридрих, герцог Голштинский, племянник Карла XII, короля Шведского, отец Петра III, был принц слабый, неказистый, малорослый, хилый и бедный (смотри «Дневник» Бергхольца

в «Магазине» Бюшинга)¹. Он умер в 1739 году и оставил сына, которому было около одиннадцати лет, под опекой своего двоюродного брата Адольфа-Фридриха, епископа Любекского, герцога Голштинского, впоследствии короля Шведского, избранного на основании предварительных статей мира в Або по предложению императрицы Елизаветы. Во главе воспитателей Петра III стоял обер-гофмаршал его двора Брюммер, швед родом; ему подчинены были обер-камергер Бергхольц, автор вышеприведенного дневника, и четыре камергера; из них двое — Адлерфельдт, автор «Истории Карла XII», и Вахтмейстер, были шведы, а двое других, Вольф и Мардефельд, голштинцы. Этого принца воспитывали в виду шведского престола при дворе, слишком большом для страны, в которой он находился, и разделенном на несколько партий, горевших взаимной ненавистью; из них каждая хотела овладеть умом принца, которого она должна была воспитать, и, следовательно, вселяла в него отвращение, которое все партии взаимно питали по отношению к своим противникам. Молодой принц от всего сердца ненавидел Брюммера, внушавшего ему страх, и обвинял его в чрезмерной строгости. Он презирал Бергхольца, который был другом и угодником Брюммера, и не любил никого из своих приближенных, потому что они его стесняли. С десятилетнего возраста Петр III обнаружил склонность к пьянству. Его понуждали к чрезмерному представительству и не выпускали из виду ни днем, ни ночью. Кого он любил всего более в детстве и в первые годы своего пребывания в России, так это были два старых камердинера: один — Крамер, ливонец, другой — Румберг, швед. Последний был ему особенно

¹ Имеется в виду дневник голштинского дворянина Фридриха Вильгельма Берхгольца (1699–1765), который он вел во время своей службы в России в 1721–1725 гг. В 1785–1788 гг. дневник Берхгольца был с сокращениями опубликован в «Журнале о новой истории и географии» («Magazin für die neue Historié und Geographie»), издававшемся известным немецким теологом, географом и педагогом Антоном Фридрихом Бюшингом (1724–1793). — *Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. ред.*

дорог. Это был человек довольно грубый и жесткий, из драгун Карла XII. Брюммер, а следовательно, и Берггольц, который на все смотрел лишь глазами Брюммера, были преданы принцу-опекуну и правителю; все остальные были недовольны этим принцем и еще более его приближенными. Вступив на русский престол, императрица Елизавета послала в Голштинию камергера Корфа вызвать племянника, которого принц-правитель и отправил немедленно, в сопровождении обер-гофмаршала Брюммера, обер-камергера Берггольца и камергера Дукера, приходившегося племянником первому. Велика была радость императрицы по случаю его прибытия. Немного спустя она отправилась на коронацию в Москву. Она решила объявить этого принца своим наследником. Но прежде всего он должен был перейти в православную веру. Враги обер-гофмаршала Брюммера, а именно — великий канцлер граф Бестужев и покойный граф Никита Панин, который долго был русским посланником в Швеции, утверждали, что имели в своих руках убедительные доказательства, будто Брюммер с тех пор, как увидел, что императрица решила объявить своего племянника [предполагаемым] наследником престола, приложил столько же старания испортить ум и сердце своего воспитанника, сколько заботился раньше сделать его достойным шведской короны. Но я всегда сомневалась в этой гнусности и думала, что воспитание Петра III оказалось неудачным по стечению несчастных обстоятельств. Передам, что я видела и слышала, и это разъяснит многое. Я увидела Петра III в первый раз, когда ему было одиннадцать лет, в Эйтине у его опекуна, принца-епископа Любекского. Через несколько месяцев после кончины герцога Карла-Фридриха, его отца, принц-епископ собрал у себя в Эйтине в 1739 году всю семью, чтобы ввести в нее своего питомца. Моя бабушка, мать принца-епископа и моя мать приехали туда из Гамбурга со мною. Мне было тогда десять лет. Тут были еще принц Август и принцесса Анна, брат и сестра принца-опекуна и правителя Голштинии. Тогда-то я и слышала от этой собравшейся вместе семьи, что молодой

герцог наклонен к пьянству и что его приближенные с трудом препятствовали ему напиваться за столом, что он был упрям и вспыльчив, что он не любил окружающих и особенно Брюммера, что, впрочем, он выказывал живость, но был слабого и хилого сложения. Действительно, цвет лица у него был бледен и он казался тощим и слабого телосложения. Приближенные хотели выставить этого ребенка взрослым и с этой целью стесняли и держали его в принуждении, которое должно было вселить в нем фальшь, начиная с манеры держаться и кончая характером.

Как только прибыл в Россию голштинский двор, за ним последовало и шведское посольство, чтобы просить у императрицы ее племянника для наследования шведского престола; но Елизавета, уже объявившая свои намерения, как выше сказано, в предварительных статьях мира в Або, ответила шведскому сейму, что она объявила своего племянника наследником русского престола и что она держалась предварительных статей мира в Або, который назначал Швеции предполагаемым наследником короны принца-правителя Голштинии. (Этот принц имел брата, с которым императрица Елизавета была помолвлена после смерти Петра I¹. Этот брак не состоялся, потому что принц умер от оспы через несколько недель после обручения; императрица Елизавета сохранила о нем очень трогательное воспоминание и давала тому доказательства всей семье этого принца.) Итак, Петр III был объявлен наследником Елизаветы и русским великим князем, вслед за исповеданием своей веры по обряду православной церкви; в наставники ему дали Симеона Теодорского, ставшего потом архиепископом псковским. Этот принц был крещен и воспитан по лютеранскому обряду, самому суровому и наименее терпимому, так как с детства он всегда был неподатлив для всякого назидания. Я слышала от его приближенных, что в Киле стоило величайшего труда посылать его в церковь по воскресеньям и праздни-

¹ Карл Август Голиштейн-Готторпский (1706–1727).

кам и побуждать его к исполнению обрядностей, какие от него требовали, и что он большей частью проявлял неверие. Его Высочество позволял себе спорить с Симеоном Теодорским относительно каждого пункта; часто призывались его приближенные, чтобы решительно прервать схватку и умерить пыл, какой в нее вносили; наконец с большой горечью он покорялся тому, чего желала императрица, его тетка, хотя он и не раз давал почувствовать, по предубеждению ли, по привычке ли или из духа противоречия, что предпочел бы уехать в Швецию, чем оставаться в России. Он держал при себе Брюммера, Бергхольца и своих голштинских приближенных вплоть до своей женитьбы; к ним прибавили, для формы, нескольких учителей: одного, Исаака Веселовского, для русского языка — он изредка приходил к нему вначале, а потом и вовсе не стал ходить; другого — профессора Штелина, который должен был обучать его математике и истории, а в сущности играл с ним и служил ему чуть не шутком. Самым усердным учителем был Ландэ, балетмейстер, учивший его танцам. В своих внутренних покоях великий князь в ту пору только и занимался тем, что устраивал военные учения с кучкой людей, данных ему для комнатных услуг; он то раздавал им чины и отличия, то лишал их всего, смотря по тому, как вздумается. Это были настоящие детские игры и постоянное ребячество; вообще он был еще очень ребячлив, хотя ему минуло шестнадцать лет в 1744 году, когда русский двор находился в Москве. В этом именно году Екатерина II прибыла со своей матерью 9 февраля в Москву. Русский двор был разделен на два больших лагеря или партии. Во главе первой, начинавшей подниматься после своего упадка, был вице-канцлер граф Бестужев-Рюмин; его несравненно больше боялись, чем любили; это был чрезвычайный пройдоха, подозрительный, твердый и неустрашимый, по своим убеждениям довольно-таки властный, враг непримиримый, но друг своих друзей, которых оставлял лишь тогда, когда они повертывались к нему спиной, впрочем, неуживчивый и часто мелочный. Он стоял во главе коллегии иностранных дел;

в борьбе с приближенными императрицы он, перед поездкой в Москву, потерпел урон, но начинал оправляться; он держался Венского двора, Саксонского и Англии. Приезд Екатерины II и ее матери не доставлял ему удовольствия. Это было тайное дело враждебной ему партии; враги графа Бестужева были в большом числе, но он их всех заставлял дрожать. Он имел над ними преимущество своего положения и характера, которое давало ему значительный перевес над политиками передней. Враждебная Бестужеву партия держалась Франции, Швеции, пользовавшейся покровительством ее, и короля Прусского; маркиз де ла Шетарди был ее душою, а двор, прибывший из Голштинии, — матадорами; они привлекли графа Лестока, одного из главных деятелей переворота, который возвел покойную императрицу Елизавету на русский престол. Этот последний пользовался большим ее доверием; он был ее хирургом с кончины Екатерины I, при которой находился, и оказывал матери и дочери существенные услуги, у него не было недостатка ни в уме, ни в уловках, ни в пронырстве, но он был зол и сердцем черен и гадок. Все эти иностранцы поддерживали друг друга и выдвигали вперед Михаила Воронцова, который тоже принимал участие в перевороте и сопровождал Елизавету в ту ночь, когда она вступила на престол. Она заставила его жениться на племяннице императрицы Екатерины I, графине Анне Карловне Скавронской, которая была воспитана с императрицей Елизаветой и была к ней очень привязана. К этой партии примкнул еще граф Александр Румянцев, отец фельдмаршала, подписавшего в Або мир со шведами, о котором не очень-то совещались с Бестужевым. Они рассчитывали еще на генерал-прокурора князя Трубецкого, на всю семью Трубецких и, следовательно, принца Гессен-Гомбургского, женатого на принцессе этого дома. Этот принц Гессен-Гомбургский, пользовавшийся тогда большим уважением, сам по себе был ничто, и значение его зависело от многочисленной родни его жены, коей отец и мать были еще живы; эта последняя имела очень большой вес. Остальных приближенных

императрицы составляли тогда семья Шуваловых, которые колебались на каждом шагу, обер-егермейстер Разумовский, который в то время был признанным фаворитом, и один епископ. Граф Бестужев умел извлекать из них пользу, но его главной опорой был барон Черкасов, секретарь Кабинета императрицы, служивший раньше в Кабинете Петра I. Это был человек грубый и упрямый, требовавший порядка и справедливости и соблюдения во всяком деле правил. Остальные придворные становились то на ту, то на другую сторону, смотря по своим интересам и повседневным видам. Великий князь, казалось, был рад приезду моей матери и моему. Мне шел пятнадцатый год; в течение первых десяти дней он был очень занят мною; тут же и в течение этого короткого промежутка времени я увидела и поняла, что он не очень ценит народ, над которым ему суждено было царствовать, что он держался лютеранства, не любил своих приближенных и был очень ребячлив. Я молчала и слушала, чем снискала его доверие, он мне сказал, между прочим, что ему больше всего нравится во мне то, что я его троюродная сестра и что в качестве родственника он может говорить со мной по душе, после чего сказал, что влюблен в одну из фрейлин императрицы, которая была удалена тогда от двора, ввиду несчастья ее матери, некоей Лопухиной, сосланной в Сибирь; что ему хотелось бы на ней жениться, но он покоряется необходимости жениться на мне, потому что его тетка того желает. Я слушала, краснея, эти родственные разговоры, благодаря его за скорое доверие, но в глубине души я взирала с изумлением на его неразумие и недостаток суждения о многих вещах. На десятый день после моего приезда в Москву как-то в субботу императрица уехала в Троицкий монастырь. Великий князь остался с нами в Москве. Мне дали уже троих учителей: одного, Симеона Теодорского, чтобы наставлять меня в православной вере; другого, Василия Ададунова, для русского языка, и Ландэ, балетмейстера, для танцев. Чтобы сделать более быстрые успехи в русском языке, я вставала ночью с постели и, пока все спали, заучивала наизусть

тетради, которые оставлял мне Ададуров; так как комната моя была теплая и я вовсе не освоилась с климатом, то я не обува-лась — как вставала с постели, так и училась. На тринадцатый день я схватила плеврит, от которого чуть не умерла. Он от-крылся ознобом, который я почувствовала во вторник после отъезда императрицы в Троицкий монастырь; в ту минуту, как я оделась, чтобы идти обедать с матерью к великому князю, я с трудом получила от матери позволение пойти лечь в по-стель. Когда она вернулась с обеда, она нашла меня почти без сознания в сильном жару и с невыносимой болью в боку. Она вообразила, что у меня будет оспа, послала за докторами и хо-тела, чтобы они лечили меня сообразно с этим; они утвержда-ли, что мне надо пустить кровь; мать ни за что не хотела на это согласиться; она говорила, что доктора дали умереть ее брату в России от оспы, пуская ему кровь, и она не хотела, чтобы со мной случилось то же самое. Доктора и приближенные вели-кого князя, у которого еще не было оспы, послали в точности доложить императрице о положении дела, и я оставалась в по-стели, между матерью и докторами, которые спорили между собой. Я была без памяти, в сильном жару и с болью в боку, которая заставляла меня ужасно страдать и издавать стоны, за которые мать меня бранила, желая, чтобы я терпеливо сносила боль. Наконец, в субботу, в семь часов, т. е. на пятый день мо-ей болезни, императрица вернулась из Троицкого монастыря и прямо по выходе из кареты вошла в мою комнату и нашла меня без сознания. За ней следовали граф Лесток и хирург; выслушав мнение докторов, она села сама у изголовья моей постели и велела пустить мне кровь. В ту минуту, как кровь хлынула, я пришла в себя и, открыв глаза, увидела себя на ру-ках у императрицы, которая меня приподнимала. Я оставалась между жизнью и смертью в течение двадцати семи дней, в про-должение которых мне пускали кровь шестнадцать раз и ино-гда по четыре раза в день. Мать почти не пускали больше в мою комнату; она по-прежнему была против этих частых кровопус-каний и громко говорила, что меня уморят; однако она начи-

нала убеждаться, что у меня не будет оспы. Императрица поставила ко мне графиню Румянцову и несколько других женщин, и ясно было, что суждению матери не доверяли. Наконец нарыв, который был у меня в правом боку, лопнул благодаря стараниям доктора португальца Санхеца; я его выплюнула со рвотой и с этой минуты пришла в себя; я тотчас же заметила, что поведение матери во время моей болезни повредило ей во мнении всех. Когда она увидела, что мне очень плохо, она захотела, чтобы ко мне пригласили лютеранского священника; говорят, меня привели в чувство или воспользовались минутой, когда я пришла в себя, чтобы мне предложить это, и что я ответила: «Зачем же? пошлите лучше за Симеоном Теодорским, я охотно с ним поговорю». Его привели ко мне, и он при всех так поговорил со мной, что все были довольны. Это очень подняло меня во мнении императрицы и всего двора. Другое очень ничтожное обстоятельство еще повредило матери. Около Пасхи, однажды утром, матери вздумалось прислать сказать мне с горничной, чтобы я ей уступила голубую с серебром материю, которую брат отца подарил мне перед моим отъездом в Россию, потому что она мне очень понравилась. Я велела ей сказать, что она вольна взять ее, но что, право, я ее очень люблю, потому что дядя мне ее подарил, видя, что она мне нравится. Окружившие меня, видя, что я отдаю материю скрепя сердце, и ввиду того, что я так долго лежу в постели, [находясь] между жизнью и смертью и что мне стало лучше всего дня два, стали между собой говорить, что весьма неразумно со стороны матери причинять умирающему ребенку малейшее неудовольствие и что вместо желания отобрать эту материю она лучше бы сделала, не упоминая о ней вовсе. Пошли рассказать это императрице, которая немедленно прислала мне несколько кусков богатых и роскошных материй и, между прочим, одну голубую с серебром; это повредило матери в глазах императрицы: ее обвинили в том, что у нее вовсе нет нежности ко мне, ни бережности. Я привыкла во время болезни лежать с закрытыми глазами; думали, что я сплю,

и тогда графиня Румянцова и находившиеся при мне женщины говорили между собой о том, что у них было на душе, и таким образом я узнавала массу вещей. Когда мне стало лучше, великий князь стал приходить проводить вечера в комнате матери, которая была также и моею. Она и все, казалось, следили с живейшим участием за моим состоянием. Императрица часто проливала об этом слезы. Наконец, 21 апреля 1744 года, в день моего рождения, когда мне пошел пятнадцатый год¹, я была в состоянии появиться в обществе в первый раз после этой ужасной болезни. Я думаю, что не слишком-то довольны были моим видом; я похудела, как скелет, выросла, но лицо и черты мои удлиннились; волосы у меня падали, и я была бледна смертельно. Я сама находила, что страшна, как пугало, и не могла узнать себя. Императрица прислала мне в этот день банку румян и приказала нарумяниться. С наступлением весны и хорошей погоды великий князь перестал ежедневно посещать нас; он предпочитал гулять и стрелять в окрестностях Москвы. Иногда, однако, приходил к нам обедать или ужинать, и тогда снова продолжались его ребяческие откровенности со мною, между тем как его приближенные беседовали с матерью, у которой бывало много народу и шли всевозможные пересуды, которые не нравились тем, кто в них не участвовал, и, между прочим, графу Бестужеву, коего враги все собирались у нас; в числе их был маркиз де ла Шетарди, который еще не воспользовался ни одним полномочием французского двора, но имел свои верительные польские грамоты в кармане. В мае месяце императрица снова уехала в Троицкий монастырь, куда мы с великим князем и матерью за ней последовали. Императрица стала с некоторых пор очень холодно обращаться с матерью; в Троицком монастыре выяснилась причина этого. Как-то после обеда, когда великий князь был у нас в комнате, императрица вошла внезапно и велела матери идти за ней в другую комнату. Граф Лесток тоже вошел туда; мы с великим князем сели на окно, выжидая. Разговор этот продолжался очень дол-

¹ Так в подлиннике — *quinzième année*, а на самом деле — шестнадцать.

го, и мы видели, как вышел Лесток; проходя, он подошел к великому князю и ко мне — а мы смеялись — и сказал нам: «Этому шумному веселью сейчас конец»; потом, повернувшись ко мне, он сказал: «Вам остается только укладываться, вы тотчас отправитесь, чтобы вернуться к себе домой». Великий князь хотел узнать, как это; он ответил: «Об этом после узнаете» — и ушел исполнять поручение, которое было на него возложено и которого я не знаю. Великому князю и мне он предоставил размыслить над тем, что он нам только что сказал; первый рассуждал вслух, я — про себя. Он сказал: «Но если ваша мать и виновата, то вы не виновны», я ему ответила: «Долг мой — следовать за матерью и делать то, что она прикажет». Я увидела ясно, что он покинул меня без сожаления; что меня касается, то, ввиду его настроения, он был для меня почти безразличен, но не безразлична была для меня русская корона. Наконец дверь спальни отворилась, и императрица вышла оттуда с лицом очень красным и с видом разгневанным, а мать шла за ней с красными глазами и в слезах. Так как мы спешили спуститься с окна, на которое влезли и которое было довольно высоко, то у императрицы это вызвало улыбку и она поцеловала нас обоих и ушла. Когда она вышла, мы узнали приблизительно, в чем было дело. Маркиз де ла Шетарди, который прежде, или, вернее сказать, в первое свое путешествие или миссию в Россию, пользовался большой милостью и доверием императрицы, в этот второй приезд или миссию очень обманулся во всех своих надеждах. Разговоры его были скромнее, чем письма; эти последние были полны самой едкой желчи; их вскрыли и разобрали шифр; в них нашли подробности его бесед с матерью и многими другими лицами о современных делах, разговоры насчет императрицы заключали выражения мало осторожные. Граф Бестужев не преминул вручить их императрице, и так как маркиз де ла Шетарди не объявил еще ни одного из своих полномочий, то дан был приказ выслать его из империи; у него отняли орден Св. Андрея и портрет императрицы, но оставили все другие подарки из брильянтов, какие он имел от этой государыни. Не знаю, удалось ли матери

оправдаться в глазах императрицы, но, как бы то ни было, мы не уехали; с матерью, однако, продолжали обращаться очень сдержанно и холодно. Не знаю, что говорилось между нею и де ла Шетарди, но знаю, что однажды он обратился ко мне и поздравил, что я причесана en Moÿse; я ему сказала, что в угоду императрице буду причесываться на все фасоны, какие могут ей понравиться, когда он услышал мой ответ, он сделал пируэт налево, ушел в другую сторону и больше ко мне не обращался.

Вернувшись с великим князем в Москву, мы с матерью стали жить более замкнуто; у нас бывало меньше народу, и меня готовили к исповеданию веры. 28 июня было назначено для этой церемонии и следующий день, Петров день, для моего обручения с великим князем. Помню, что гофмаршал Брюммер обращался ко мне в это время несколько раз, жалуясь на своего воспитанника, и хотел воспользоваться мною, чтобы исправить и образумить своего великого князя; но я сказала ему, что это для меня невозможно и что я этим стану ему столь же ненавистна, как уже были ненавистны все его приближенные. В это время мать очень сблизилась с принцем и принцессой Гессенскими и еще больше с братом последней, камергером Бецким. Эта связь не нравилась графине Румянцовой, гофмаршалу Брюммеру и всем остальным; в это время, как мать была с ним в своей комнате, мы с великим князем возились в передней и она была в полном нашем распоряжении; у нас обоих не было недостатка в ребяческой живости. В июле месяце императрица праздновала в Москве мир со Швецией, и по случаю этого праздника она составила мне двор, как обрученной Русской великой княжне, и тотчас после этого праздника императрица отправила нас в Киев. Она сама отправилась через несколько дней после нас. Мы ехали по немногу за день, мать, я, графиня Румянцова и одна из фрейлин матери в одной карете; великий князь, Брюммер, Берггольд и Дукер — в другой. Как-то днем великий князь, скучавший со своими педагогами, захотел ехать с матерью и со мной; с тех пор как

он это сделал, он не захотел больше выходить из нашей кареты. Тогда мать, которой скучно было ехать с ним и со мной целые дни, придумала увеличить компанию. Она сообщила свою мысль молодым людям из нашей свиты, между которыми находились князь Голицын, впоследствии фельдмаршал, и граф Захар Чернышев; взяли одну из повозок с нашими постелями, приладили отовсюду кругом скамейки, и на следующий же день мать, великий князь и я, князь Голицын, граф Чернышев и еще одна или две помоложе из свиты поместились в ней, и таким образом мы совершили остальную часть поездки очень весело, насколько это касалось нашей повозки; но все, что не имело входа туда, восстало против такой затеи, которая особенно не нравилась обер-гофмаршалу Брюммеру, обер-камергеру Бергхольцу, графине Румянцовой, фрейлине матери и также всей остальной свите, ибо они никогда туда не допускались и между тем, как мы смеялись дорогой, они бранились и скучали. При таком положении вещей мы прибыли через три недели в Козелец¹, где еще три недели ждали императрицу, коей поездка замедлилась дорогой вследствие некоторых приключений. Мы узнали в Козельце, что с дороги было сослано несколько лиц из свиты императрицы и что она была в очень дурном расположении духа. Наконец в половине августа она прибыла в Козелец; мы еще оставались с ней там до конца августа. Тут вели с утра до вечера крупную игру в фараон в большом зале, посередине дома; в остальных помещениях всем приходилось очень тесно: мы с матерью спали в одной общей комнате, графиня Румянцова и фрейлина матери — в передней и так далее. Однажды великий князь пришел в комнату матери и в мою также в то время, как мать писала, а возле нее стояла открытая шкатулка; он захотел в ней порыться из любопытства; мать сказала, чтобы он не трогал, и он, действительно, стал прыгать по комнате в другой стороне, но, прыгая то туда, то сюда, чтобы насмешить меня, он задел за крышку открытой шкатулки и уронил ее; мать тогда рассердилась, и они стали

¹ В подлиннике — Koselsk, и далее так же.

крупно браниться; мать упрекала его за то, что он нарочно опрокинул шкатулку, а он жаловался на несправедливость, и оба они обращались ко мне, требуя моего подтверждения; зная нрав матери, я боялась получить пощечины, если не соглашусь с ней, и, не желая ни лгать, ни обидеть великого князя, находилась между двух огней; тем не менее я сказала матери, что не думала, чтобы великий князь сделал это нарочно, но что когда он прыгал, то задел платьем крышку шкатулки, которая стояла на очень маленьком табурете. Тогда мать набросилась на меня, ибо, когда она бывала в гневе, ей нужно было кого-нибудь бранить; я замолчала и заплакала; великий князь, видя, что весь гнев моей матери обрушился на меня за то, что я свидетельствовала в его пользу, и так как я плакала, стал обвинять мать в несправедливости и назвал ее гнев бешенством, а она ему сказала, что он невоспитанный мальчишка; одним словом, трудно, не доводя, однако, ссоры до драки, зайти в ней дальше, они оба успели это сделать. С тех пор великий князь невзлюбил мать и не мог никогда забыть этой ссоры; мать тоже не могла ему этого простить; и их обхождение друг с другом стало принужденным, без взаимного доверия и легко переходило в натянутые отношения. Оба они не скрывались от меня; сколько я ни старалась смягчить их обоих, мне это удавалось только на короткий срок, они оба всегда готовы были пустить колкость, чтобы язвить друг друга; мое положение день ото дня становилось щекотливее. Я старалась повиноваться одному и угождать другому, и, действительно, великий князь был со мной тогда откровеннее, чем с кем-либо; он видел, что мать часто насакивала на меня, когда не могла к нему придраться. Это мне не вредило в его глазах, потому что он убедился, что может быть во мне уверен. Наконец 29 августа мы приехали в Киев. Мы пробыли там десять дней, после чего отправились назад в Москву точно таким же образом, как ехали в Киев. Когда мы приехали в Москву, вся осень прошла в комедиях, придворных балах и маскарадах. Несмотря на это, заметно было, что императрица была часто сильно не в духе. Однажды,

когда мы, моя мать, я и великий князь, были в театре в ложе напротив ложи Ее Императорского Величества, я заметила, что императрица говорит с графом Лестоком с большим жаром и гневом. Когда она кончила, Лесток ее оставил и пришел к нам в ложу; он подошел ко мне и спросил: «Заметили ли вы, как императрица со мной говорила?» Я сказала, что да. «Ну, вот, — сказал Лесток, — она очень на вас сердита». — «На меня! За что же?» — был мой ответ. «Потому что у вас, — ответил он мне, — много долгов, она говорит, что это бездонная бочка и что, когда она была великой княжной, у нее не было больше содержания, нежели у вас, что ей приходилось содержать целый дом и что она старалась не входить в долги, ибо знала, что никто за нее не заплатит». Он сказал мне все это с сердитым и сухим видом, должно быть, затем, чтоб императрица видела из своей ложи, как он исполняет ее поручение. У меня навернулись на глаза слезы, и я промолчала. Сказав все, он ушел. Великий князь, который был рядом и приблизительно слышал этот разговор, переспросив у меня то, что не расслышал, дал мне понять игрой лица больше, чем словами, что он разделяет мысли своей тетушки и что он доволен, что меня выбрали. Это был довольно обычный его прием, и в таких случаях он думал угодить императрице, улавливая ее настроение, когда она на кого-нибудь сердилась. Что касается матери, то, когда она узнала, в чем дело, она сказала, что это было следствием тех стараний, которые употребляли, чтобы вырвать меня из ее рук, и что, так как меня так поставили, что я могла действовать, не спрашиваясь ее, она умывает руки в этом деле; итак, оба они стали против меня. Я же тотчас решила привести мои дела в порядок и на следующий же день потребовала счета. Из них я увидела, что должна семнадцать тысяч рублей; перед отъездом из Москвы в Киев императрица прислала мне пятнадцать тысяч рублей и большой сундук простых материй, но я должна была одеваться богато. В итоге оказалось, что я должна всего две тысячи, это мне не показалось невесть какой суммой. Различные причины ввели меня в эти расходы.

**С 55 Собственноручные записки императрицы Екатерины II ;
Записки Екатерины Дашковой / пер. с фр. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 512 с. + вкл. (16 с.).
ISBN 978-5-389-27437-2**

«Собственноручные записки императрицы Екатерины II» и «Записки» Екатерины Дашковой — два знаменитейших памятника мемуарной литературы и бесценные источники сведений о событиях второй половины XVIII века и быте двора Екатерины Великой.

Незаурядный литературный дар императрицы Екатерины II принес обильные плоды. Управляя огромной страной, она также вела переписку с великими мыслителями, делала переводы, создавала либретто опер и балетов, писала басни, сказки, исторические пьесы и комедии, эссе, публиковала сатирические и полемические статьи. «Собственноручные записки императрицы Екатерины II» — это и мастерски исполненный автопортрет, и повествование, имеющее огромное историко-литературное значение. Колоритные зарисовки жизни двора, интриг и заговоров дают читателю возможность ощутить водоворот событий и кипение страстей, предшествовавших восшествию Екатерины на русский престол.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова — выдающийся деятель русской культуры, одна из образованнейших женщин своего времени, немало поспособствовавшая расцвету российского Просвещения. Более десяти лет (1783–1796) она возглавляла Императорскую академию наук и художеств, а также стала одной из основательниц Академии Российской, которая наиболее известна созданием первого толкового словаря русского языка. Дашкова принимала деятельное участие в организации государственного переворота 1762 года, приведшего на престол Екатерину II. Впоследствии, находясь около восьми лет за границей, встречалась с Вольтером, Дени Дидро, Адамом Смитом и другими деятелями науки и культуры того времени. Ее «Записки» — яркое, из первых рук свидетельство о событиях второй половины XVIII века.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II ЗАПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ ДАШКОВОЙ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Валерий Гореликов

Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректор Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.12.2024.

Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Усл. печ. л. 32,34 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака КоЛибри®,

115093, Москва, вн. тер. г.

муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,

191024, Санкт-Петербург,

Херсонская ул., д. 12–14, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —

КоЛибри® тауар белгісінің иесі,

115093, Мәскеу, қ. іш. аум.

Даниловский муниципалдық округі,

Партийный т.ш., 1-үй, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,

191024, Санкт-Петербург,

Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.aoampk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-APR-36445-03-R